
К 85-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А.В. БРУШЛИНСКОГО

УДК: 159.9.01

АНДРЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ БРУШЛИНСКИЙ: ЛИНИЯ ЖИЗНИ

© 2018 г. Т. К. Мелешко

ФГБНУ “Научный центр психического здоровья”; 115522, Москва, Каширское шоссе, 34, Россия.

Кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник.

E-mail: YenDuctorWork@gmail.com

Поступила 07.09.2017

Аннотация. Представлены основные вехи научной биографии А.В. Брушлинского. Проведен анализ его дневниковых записей, в которых отражена эволюция его взглядов как ученого и мыслителя, чьи идеи актуальны для многих современных направлений психологии и успешно разрабатываются новыми поколениями учеников и последователей. Описана история становления континуально-генетической теории А.В. Брушлинского, отражающей диалектику недизъюнктивности психических процессов. Показано зарождение идеи недизъюнктивности в ходе экспериментального исследования закономерностей мыслительного процесса. Прослежен путь развития теории субъекта и возможности её применения при решении фундаментальных проблем психологии.

Ключевые слова: А.В. Брушлинский, континуально-генетическая теория, мыслительный процесс, метод микросемантического анализа, научная биография, недизъюнктивность, немгновенный инсайт, психология субъекта.

DOI: 10.7868/S0205959218020010

Высказанные ученым идеи со временем как бы отделяются от него самого и начинают жить самостоятельной жизнью. Постепенно стирается, ускользает из памяти живой облик автора этих идей... Жизненный путь Андрея Владимировича Брушлинского так тесно переплетен с его научной деятельностью, что отделить одно от другого невозможно.

Если говорить о главной индивидуальной неповторимости жизненного пути, пройденного Андреем Владимировичем, это гармоничное слияние авторских идей и концептуальных обобщений с образом его жизни. Если говорить о главной черте его характера, — это страсть к научному творчеству, которая порождала естественную потребность в неутомимой деятельности, обозначившейся довольно рано, с юношеского возраста. И еще — чувство личной ответственности за общий порядок вещей, что отличает людей честных, смелых, не равнодушных к судьбе других и к своему Отечеству.

Конечно, целый ряд благоприятных условий и встреч способствовали становлению такой личности. И прежде всего — семья. Большую роль в воспитании Андрея сыграл дед, Константин Афиногенович Брушлинский, в прошлом военный юрист в чине генерала, религиозный и строгий человек, предельно организованный, порядочный

и неприхотливый в быту. От деда Андрей унаследовал особое внимание к поддержанию своей физической формы. В студенческие годы он нас порадовал не только своими знаниями и эрудицией, но и своей физической выносливостью: мог ходить без пальто в лютый мороз, есть мороженое зимой и не простужаться.

Выбор профессии во многом определил его отец Владимир Константинович, философ по образованию, владевший многими иностранными языками, хотя Андрей колебался в своем выборе между дипломатией и медициной. Главную атмосферу дома определяла Варвара Платоновна — мать троих детей: старшего Кости и близнецов Оли и Андрея. Она тоже получила прекрасное образование: сначала в Екатерининском институте благородных девиц, а затем в Ярославском университете, но затем жизнь свою целиком и полностью посвятила воспитанию детей и внуков. Ей была свойственна неподдельная доброжелательность, демократичность, открытость и естественность в обращении с людьми. Атмосфера, царившая в доме, благоприятствовала развитию природных способностей и склонностей детей. Это не значит, что дети Брушлинских были лишены детства. До подросткового возраста Андрюша мало чем отличался от шаловливых сверстников, затем стал предпочитать

веселым развлечениям углубленное чтение, в том числе научной литературы — благо в доме было много книг.

В студенческую пору Андрей довольно скоро стал выделяться среди даже весьма продвинутых сверстников не только своими знаниями, но и спортивными достижениями. Даже к возложенным на него общественным обязанностям он относился не формально, а лично заинтересованно. В дальнейшем это, вероятно, привело его к формулировке о том, что нет чисто общественных интересов, они всегда одновременно и личные. Вообще он был склонен к подобным не общепринятым, часто парадоксальным обобщениям.

Андрей никогда не стремился выделиться, продемонстрировать себя. В его дневнике есть запись: “С каждым днём меня все больше и больше мучит какое-то назойливое и столь же неприятное чувство большого неудовлетворения и недовольства собой... У меня же внешне все обстоит более чем благополучно. В Университете меня явно переоценивают, хотя я вовсе не собираюсь пускать пыль в глаза. Как много мне было дано, и как мало я сделал! В каком неоплатном долгу я перед книжным шкафом” (Ноябрь, 1954).

Круг его интересов был весьма широк: студенческие вечеринки, в которых он принимал активное участие, друзья, подруги... Он мог вместе с приятелями провести ночь за билетами в любимый Большой театр... Какое счастье было находиться с ним рядом, дружить с ним, слушать музыку, ходить в театр или кино или просто гулять по московским улицам, разговаривать и даже молчать, находясь на “одной волне”! В нем в силу непостижимой диалектики гармонично сочетались трезвость рассудочного ума с высоким романтизмом, что в итоге создавало удивительно целостную натуру. На протяжении всей жизни он оставался Рыцарем и не только науки... Отношение Андрея к Женщине всегда было возвышенным и почтительным. Любил дарить цветы... Любил поэзию Ахматовой, Мандельштама, Пастернака. Был прекрасным рассказчиком. Бывало во время прогулок (чаще всего в отпускное время) мы — и взрослые, и дети — заслушивались его пересказами очередной прочитанной книги. В его изложении все приобретало какой-то особый смысл и значимость. Он обладал тонким чувством юмора, ценил хорошую шутку и сам любил пошутить. Грубых шуток не признавал. Ему нравились каламбуры, и он постоянно придумывал свои варианты шутивого “толкового словаря”.

С нежной заботой он относился к близким. Ему ничего не надо было объяснять, он понимал с полуслова. Был очень сдержан в проявлении отрицательных эмоций: никогда не скандалил, не кричал, не повышал голоса. Тепло и нежно относился к дочери. До слез радовался появлению на свет каждого из трёх внуков, гордился ими, носил на работу их фотографии. У внуков бывал редко, все семейные праздники отмечали у нас. При встрече с удовольствием возился с ними — читал, играл, дурачился. Особенно в этом смысле повезло старшему Жене. Когда деда не стало, Ване было 4 года, а Андрюше всего 1 год.

Андрей очень любил свой дом, свою семью. Это было, по-видимому, то единственное и необходимое место, где он мог по-настоящему расслабиться, снять напряжение. Это сказывалось даже в одежде, дома он любил облачаться в старые привычные вещи, чувствовал в них себя уютно.

Конечно, у него были недостатки, но они являлись как бы продолжением его достоинств: страстная поглощенность наукой порождала отсутствие интереса к бытовым проблемам, некий аскетизм. Научные интересы занимали, пожалуй, наивысшую точку в системе его ценностей. Его интересы простирались далеко за пределы психологии: он глубоко изучал философию, социологию, языкознание, историю, науковедение, его интересовали политические проблемы. Из области точных наук — математика, физика, кибернетика. Он был энциклопедически образован. Не мог пройти мимо хорошей книги, тут же её приобретал.

Его человеческие привязанности не всегда были продиктованы общностью профессиональных интересов. На протяжении всей жизни длилась его дружба с одноклассником Юрием Фиалковым, инженером по профессии, ушедшим из жизни несколько ранее.

Его отношение к другим ученым, коллегам было всегда уважительным, с большим вниманием и интересом к другой точке зрения. Любил дискуссии, чувствовал себя уверенно в научных вопросах, призывал своих оппонентов к открытой дискуссии. Вероятно, эта уверенность и смелость подкреплялись его способностью, физической и волевой, выдержать и победить в любом интеллектуальном поединке. Это подтверждалось неоднократно.

В докладе “К психологии творческого процесса. Психология мышления вместо так называемой эвристики”, сделанном на конференции молодых ученых в 1967 году он продемонстрировал свою научную принципиальность, утверждая специфичность человеческого мышления и невозможность

его заменить “думающими машинами”. Все это происходило в период всеобщего увлечения кибернетикой, и выступить с подобными идеями означало идти против течения. Твёрдую позицию по этому вопросу он выразил в монографии “Психология мышления и кибернетика” (1970) [2]. Способность отстаивать свои научные принципы, вопреки мнению большинства, он проявлял неоднократно.

КОНТИНУАЛЬНО-ГЕНЕТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ А.В. БРУШЛИНСКОГО И ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ МЫШЛЕНИЯ

Ключевую роль, определившую во многом творческий путь, линию жизни Андрея Владимировича Брушлинского сыграла встреча с выдающимся мыслителем, философом и психологом Сергеем Леонидовичем Рубинштейном, который стал не только его Учителем, научным руководителем, но и образцом высоконравственной личности.

В январе 1955 года он напишет в своем дневнике: “Рубинштейн действительно велик, настоящий ученый и человечнейший человек. Пусть я буду в жизни не очень хорошо материально обеспечен, но всегда останусь честным и добросовестным научным работником. В этом отношении надо брать пример с папы. В науку должен быть путь только через науку. Поэтому-то Рубинштейн выше всех этих грязных интриг”.

И о науке: «Глубоко (и прочно) сидящие, но мелкоплавающие перестраховщики несколько лет назад санкционировали самую простую, но зато удобно контролируемую форму развития науки — без направлений и школ, без горных извилистых тропинок, по прямой, одной-единственной магистрали, которой присваивается имя какого-либо великого ученого с совершенно не запятнанным авторитетом (к счастью, таких оказалось очень немного), на которой регулировщиками стояли всякие “держиморды”. Сколько спекуляций развернулось на этой почве!» (январь 1955 г.).

«Настоящая научная работа в процессе её и принципиально не может быть контролируема. Поэтому на неё надо брать таких людей, которые действительно работают по собственному вдохновению и не нуждаются в этом смысле в унижительном надзоре, каким бы “тактичным” он ни был» (июнь 1955 г.).

К пониманию Рубинштейновской теории Андрей Владимирович пришел не сразу. Этому предшествовали увлечения идеями П.Я. Гальперина и длительное, глубокое изучение трудов

Л.С. Выготского. Открытый С.Л. Рубинштейном закон детерминизма “Внешние причины действуют через внутренние условия” стал для Брушлинского основополагающим методологическим принципом в изучении мышления и других психических процессов. Объект познается через включение его в новые связи и отношения (анализ через синтез). Данные теоретические основания создали условия для конкретных форм проявления этого основного механизма мышления. Предпочесть этот путь в науке в те времена было совсем не престижно после обвинения Сергея Леонидовича в “космополитизме” и приклеивании к нему других политических “ярлыков” чиновниками от науки. Андрей Владимирович считал, что никакие, даже самые богатые книжные знания не могут заменить живого общения, поэтому дорожил каждым часом, проведенным в обществе Учителя.

Судьба отмерила не так уж много лет для их совместной работы. Когда в январе 1960 года внезапно скончался С.Л. Рубинштейн, Андрею еще не исполнилось 27 лет, впереди предстояли годы самостоятельной работы. По меткому образному выражению В.Т. Кудрявцева: “Всю дальнейшую жизнь А.В. Брушлинский упорно достраивал философско-психологическую Вселенную, созданную С.Л. Рубинштейном. Не просто уточнял, углублял и творчески развивал многообразные концепции своего учителя, он как бы размыкал выработанные учительской мыслью понятия в открытые проблемы, высвечивая их непроходящий, вечный характер, придавая им исторически актуальные звучания и смело выдвигал новые подходы к их решению” [10, с. 44–45].

Одну из загадок мышления античные философы выразили в форме парадокса: “Если я знаю, что я ищу, то что же мне еще искать, а если я не знаю, что я ищу, то как я могу искать?” Центральной в экспериментальных исследованиях Брушлинского становится проблема направленности мыслительного процесса, вопрос о том, как осуществляется поиск и нахождение ранее неизвестного, детерминирующий процесс мышления, итогом которого является новое содержательное знание.

Для исследования живого мыслительного процесса был разработан метод микросемантического анализа протоколов испытуемых, который позволял фиксировать тончайшие нюансы движения их мысли при решении творческих задач. Это была кропотливая и трудоёмкая работа. Признаюсь, что я вначале была несколько удивлена и не уверена, стоит ли это таких усилий и затрат. Нетерпеливая юность стремилась решать проблемы с помощью более крупных “мазков”. Как оказалось — стоило!

Примененный метод анализа живого мыслительного процесса привел к трём важным открытиям:

1. К различению требования задачи и искомого. Если требование сформулировано извне, условием задачи, то искомое определяет сам субъект, решающий задачу, и оно динамично. Направленность мышления осуществляется по мере уточнения искомого, задаваемого соотношением ранее известного с прогнозируемым неизвестным, путём включения объекта в новые связи и отношения. Выделение искомого отразило активную роль субъекта в творческом процессе.

2. Микросемантический анализ привел к открытию “немгновенного инсайта”. Было установлено экспериментально, что это не просто внезапный прорыв бессознательного в сознание. Инсайту предшествует более или менее длительный процесс развития мысли и нет резкой грани между сознательным и бессознательным в психике человека. В наши дни эксперименты с обнаружением “немгновенного инсайта” продолжены под руководством Д.В. Ушакова, и факт его наличия был подтвержден [8].

3. В экспериментальных исследованиях направленности мыслительного процесса имплицитно уже присутствовала идея недизъюнктивности, которая в дальнейшем оформилась в континуально-генетическую концепцию. Принцип непрерывности развития реализуется в диалектике прошлого, настоящего и будущего. «Прошрое, прошлый опыт мышления существует не как “вещь” абсолютно неизменная, а как процесс, нечто динамичное, изменяющееся, избирательно используемое по мере включения в дальнейший ход мышления. Влияние настоящего на прошлое — это, в частности, преобразование низшего (прошлого) в составе высшего (настоящего), характерного для всякого развития. Возможно, что чем “больше” настоящее оказывает обратное влияние на прошлое мышление, тем более “творческим” является процесс. Вероятно, это может быть одним из критериев творчества (мышления как процесса). Тогда открываются и некоторые дополнительные условия для понимания того, как в ходе мыслительного процесса будущее — через “механизм” мысленного предвосхищения — влияет на настоящее, на протекающие в данный момент стадии познавательного процесса» [3, с. 235].

Ключевую роль в формировании идеи непрерывности (недизъюнктивности) психического процесса сыграло прочтение Андреем Владимировичем “Науки логики” Гегеля. Примечательна его запись в рабочем дневнике, сделанная в 1972 году: «В силу изменчивости, динамики, вообще

развития различных стадий, элементы процесса мышления постоянно “заходят” друг на друга... Иначе невозможна преемственность процесса, развитие. Такое наложение, “слипание” и т.д. означает отсутствие дизъюнктивности... Единственно возможный способ мышления в отсутствие дизъюнктивности — это анализ через синтез!!! С этим связано всеобщее и обязательное опосредование всего и вся (великим мастером которого был Гегель), постоянное возникновение новых противоречий и т.д.»

Не вызывает сомнения, что благодатная почва для усвоения идей великого основателя диалектической логики была подготовлена всем ходом предшествующих размышлений А.В. Брушлинского. А наличие трёх восклицательных знаков в приведенном тексте является показателем того, что для самого автора этот вывод стал открытием в форме “немгновенного инсайта”. Понятие “анализ через синтез” включается в более широкий контекст и становится универсальным “механизмом” *континуально-генетической логики*, обеспечивающим *непрерывность* психического развития.

Экспериментальное и теоретическое обоснование этой концепции было осуществлено в докторской диссертации “Психологический анализ мышления как прогнозирования (континуально-генетическая теория мышления)” (1977) и в монографии “Мышление и прогнозирование” [1]. В этих трудах мыслительный процесс предстаёт как “творчески развивающееся понятийное обобщение, по своей природе конструктивное, не просто облекающее в новую форму готовое знание, а насыщающее новым содержанием и смыслом” [10].

Завершая цикл исследований процесса мышления, Брушлинский делает общий вывод: “Наиболее глубокая сущность любого *процесса* может быть раскрыта лишь при условии, что он исследуется в развитии. Так сливаются в едином методе исследованная генетичность и континуальность (непрерывность) и поэтому недизъюнктивный подход, основанный на диалектической логике, закономерно является континуально-генетическим” [1, с. 216].

“Поскольку тот же самый объект включается в новую систему отношений, сохраняется и развивается преемственность в его познании. Поскольку в новых связях он выступает в новом качестве, осуществляется переход на следующий, более высокий уровень мышления, вырастающий из предыдущего и, вместе с тем, качественно от него отличающийся. Так, на основе анализа через синтез обеспечивается взаимосвязь со всеми

предшествующими этапами психического процесса и одновременно выход за их пределы” [1, с. 209].

А.В. Брушлинский подчёркивает, что мышление субъекта как живой процесс никогда полноценно не завершается, непрерывно формируется и развивается. Такой процесс обгоняет любую его формализацию. При всей важности тестов, они не раскрывают психическое как процесс, но чётко фиксируют его результат. “Более того, тесты интеллекта во многих случаях характеризуют определенный уровень не столько мышления, сколько знания, а потому часто парадоксальным образом противоречат показаниям тестов, диагностирующих креативность” [3, с. 13].

В анализе творческого процесса Брушлинский особо подчеркнул диалектику 1) преемственности и 2) безотносительности к заранее установленному критерию. Это противоречие разрешает психический процесс, осуществляющий непрерывную связь между новым и старым, которая и обеспечивает преемственность стадий процесса. При этом непрерывность психического как процесса обеспечивается постоянным взаимодействием осознанных и неосознанных его компонентов.

Развивая эту мысль, Н.Е. Харламенкова рассматривает латентное свойство предмета как потенциально новое, скрытое от субъекта подсознательное. Для того чтобы стать актуальным, оно должно быть включено активным субъектом в новую систему связей, то есть интегрировано им в новые отношения [15].

Эти положения послужили основанием для интерпретации ряда экспериментальных фактов, полученных нами при исследовании особенностей мышления больных шизофренией, связанных с облегченной актуализацией “латентных” свойств, не зафиксированных в системе общепринятых понятий. Можно гипотетически предположить, что у них вследствие ослабления или отсутствия социально обусловленной фиксированности общепринятых понятий, категорий, социальных “меток” и навыков, латентные свойства сосуществуют в актуальном сознании в виде “рыхлых” конструкторов как эквивалентные по значимости общепринятым, закреплённым в общественном опыте знаниям. При решении нетривиальных задач пациентам не приходится преодолевать функциональную фиксированность привычного, с которой сталкиваются здоровые испытуемые [9, с. 118].

Вслед за М.А. Холодной можно предположить, что склонность давать оригинальные редкие ответы может быть следствием компенсации некоторых когнитивных дефицитов (низким уровнем категориальных

преобразований, предпочтением ситуативных критериев и полезависимостью), а не проявлением творческих способностей. “Оригинальность ответа как проявление творческой продуктивности предполагает сформированность метакогнитивного опыта в виде эффективной работы механизма непроизвольного когнитивного контроля” [16, с. 158]. Многолетний опыт изучения шизофренической патологии свидетельствует о дефиците у больных шизофренией ряда субъектных качеств, обеспечивающих непрерывность психического развития. К таким дефицитам следует отнести имеющее мотивационную природу недостаточное использование социального и обобщение собственного опыта, что ограничивает возможность интеграции этого опыта в перспективы их жизни [14].

Выделив в мыслительном процессе основные признаки психического: недизъюнктивность, развитие и целостность, А.В. Брушлинский показал, что разработанный им континуально-генетический подход распространяется на другие психические процессы и служит методологическим основанием для системного исследования психики человека.

Новизну такого подхода В.В. Знаков определил как переход от микросемантического анализа к макросемантическому анализу психических явлений и еще точнее — как сочетание аналитического и холистического методов познания. Холистический подход — это целостность, а не сумма частей, а целостность — это логико-содержательная соотносённость, связанная с порождением смыслов. Анализ через синтез является основанием континуально-генетической теории, где “холистичность синтеза заключается в расширении целостного контекста, в котором субъекту следует рассматривать познаваемый объект, во включении его в новые связи и отношения” [8].

КОНТИНУАЛЬНО-ГЕНЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К РЕШЕНИЮ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ ПСИХОЛОГИИ

Следующий этап творчества Брушлинского был связан с переосмыслением с позиций континуально-генетической логики основных классических проблем психологии: соотношения биологического и социального, сознательного и бессознательно-го, материального и идеального и т.д. Рассмотрение этих проблем с позиций нового подхода привело к преодолению прочно укоренившихся дихотомий этих категорий. Так, в понимании Брушлинским проблемы соотношения биологического и социального “в зародыше уже содержится вся линия

развития субъектно-деятельного подхода и контуры психологии субъекта” [7, с. 17–23].

В самом предмете психологии человека природное и социальное онтологически неразделимы, то есть недизъюнктивны. “Иначе говоря, на любом этапе развития психики человека природное и социальное едины и неотделимы друг от друга: в ней нет ничего, что было бы только природным (а не социальным), или только социальным (но не природным). Это относится и к высшим уровням духовного развития личности (вопреки широко распространенной теперь точке зрения, отрицающей или умаляющей роль природного в данном случае)... Эта уникальная целостность природного и социального, составляющая сущность человека и его психики, возникла в ходе антропогенеза и социогенеза и развивается дальше в процессе истории человечества и жизненного пути каждой личности” [3, с. 48]. Любой человеческий индивид и его психика изначально всегда социальны. Новорожденный младенец и маленький ребенок не проходят в своём развитии вначале натуральную, несоциальную стадию, чтобы потом перейти на культурную, социальную.

Континуально-генетический метод позволил по-новому подойти к рассмотрению фундаментальной проблемы, существующей в форме классической дилеммы: бытие определяет сознание или сознание определяет бытие? В своей последней книге “Психология субъекта” Андрей Владимирович обозначил путь, преодолевающий дихотомию этих категорий: “Не психическое и не бытие сами по себе, а субъект, находящийся внутри бытия и обладающий психикой, творит историю” [3, с. 211].

ПРОБЛЕМА СУБЪЕКТА В ТВОРЧЕСТВЕ А.В. БРУШЛИНСКОГО И ЕГО ПОСЛЕДОВАТЕЛЕЙ

А.В. Брушлинский рассматривал континуально-генетический метод как один из вариантов *системного подхода*, подчеркивая необходимость различения дизъюнктивных и недизъюнктивных систем. Последние являются специфичными применительно к анализу человеческой психики. На основе этих принципов он приступил к новой трактовке психологии субъекта. Этой проблеме он посвятил последнее десятилетие своей жизни. Как очень точно и ёмко отметил В.В. Знаков: “В психологии субъекта в сконцентрированном виде отражена тематика всех его предыдущих исследований” [7, с. 15].

У большого учёного, как и у большого писателя, художника и т.д. во всех его творениях присутствует

главная линия (тема, идея, мысль, концепция и т.п.). Всё, что автор берёт у других, он пропускает через себя, и возникает нечто новое, ранее неизвестное, так как синтез — это не сумма частей, а совершенно новое качество. В этом суть творчества. Как и во всех предыдущих исследованиях, Брушлинский исходит из основных положений субъектно-деятельностной теории С.Л. Рубинштейна, поднимая её до уровня проблемы современной науки.

Суть и новизна философско-психологической концепции С.Л. Рубинштейна заключается в том, что он включил понятие субъекта в онтологические исследования человеческого бытия, особо подчеркнув факт взаимодействия познающего с познаваемым (внешние причины действуют через внутренние условия). Лишь с появлением человека бытие начинает выступать в новом качестве объекта, который может существовать только во взаимодействии с субъектом [11].

“Субъект — это всеохватывающее, наиболее широкое понятие человека, обобщенно раскрывающее неразрывно развивающееся единство, целостность всех его качеств: природных, социальных (social), общественных (societal), индивидуальных и т.д.” [3, с. 22]. “Субъект — это не психика человека, а человек, обладающий психикой, не те или иные психические свойства, виды активности и т.д., а сами люди — деятельность, общающиеся... Человек и его психика не две системы, а одна единая система. Целостность, единство, интегральность субъекта есть основание для системности всех его психических качеств, часто весьма противоречивых и трудносовместимых. Этот онтологический план определяет гносеологическую основу психологической науки, т.е. разработка психологии субъекта (индивидуального и группового) и есть общий путь к установлению единства этой науки, в частности её раскола на естественнонаучную и гуманитарную её ветви” [4, с. 6].

Поскольку понятия “субъект–объект” являются парными и не существуют в отдельности, существенным критерием субъекта является наличие познаваемого объекта (в отличие от стимула, раздражителя и т.д.). Первоначально Андрей Владимирович относил становление субъекта к 7–10-летнему возрасту, периоду, когда ребёнок овладевает простыми понятиями, в которых он начинает раскрывать существенные свойства и отношения объекта. Но затем, опираясь на данные онтогенетических исследований Е.А. Сергиенко, он начинает относить становление субъекта к более раннему возрасту, к периоду появления первых слов, когда ребенок начинает выделять в окружающем мире не только стимулы, но и познавательные

объекты. Существенным критерием последних является их осознанность, наличие познавательного отношения как признака субъектности [13].

В.В. Селиванов в рецензии на последнюю книгу А.В. Брушлинского подчеркивает: «Таким образом, гносеологическое отношение между субъектом и объектом, их неразрывная взаимосвязь, невозможность существования одного без другого, становится для автора важнейшей онтологической характеристикой субъекта. Сближение “парных”, противоречащих друг другу философских категорий на основе континуально-генетической логики позволило предвидеть и обосновать начало новой субъектной парадигмы. Здесь субъект, наделённый сознанием и формирующий деятельность (но не сознание или деятельность), является фокусом, концентрацией эмоционального и аффективного, сознательного и неосознаваемого, общественного и индивидуального, материального и идеального и т.д.» [12, с. 139].

Проблема детерминации психики субъекта рассматривалась Брушлинским как саморазвитие, саморегуляция. Она осуществляется и на высших уровнях бытия людей, таких как свобода, совесть, теоретическое мышление, социальные представления. Поэтому универсальный механизм саморегуляции — обратная связь, общий для животных, людей и технических систем, хотя и необходим, но недостаточен, а значит, и неспецифичен для детерминации субъекта.

Проследивая эволюцию взглядов Брушлинского, В.В. Знаков подчеркнул следующее: “С каждым годом для него всё более значительным и интересным становились закономерности формирования вершинных проявлений психологии субъекта — духовности, нравственности, свободы, гуманизма. Он считал, что гуманистичность психологии неразрывно связана с духовностью, с духовной деятельностью человека” [7, с. 17]. Соответственно, он всё чаще задумывался о сходстве и различии субъектно-деятельностного подхода и гуманистической психологии. Андрей Владимирович планировал написать статью, посвященную анализу творчества А. Маслоу, но этому замыслу не суждено было осуществиться... Точки зрения двух мыслителей близко соприкасаются, когда Маслоу говорит о том, что приверженность такой духовной ценности, как истина (например, служение науке) снимает противоречие таких категорий, как эгоизм и альтруизм, а Брушлинский утверждает, что не существует общественных интересов, помимо личных, и постановка вопроса о подчинении личных интересов общественным в принципе неверна.

Линия жизни Андрея Владимировича внезапно оборвалась, когда он был на взлёте, пике творческой активности. Психология субъекта стала

вершиной его творчества. “Психология субъекта была для него не просто совокупностью научных знаний, она стала неотъемлемой частью его мировоззрения и, главное, поведения. Об этом свидетельствуют многие его поступки. Субъектно-деятельный подход был для А.В. Брушлинского не абстрактной наукой, а такой духовной практикой, которую он воплощал в жизнь” [8, с. 9].

А.В. Брушлинский с неизменным оптимизмом относился к перспективам психологической науки, верил в её неисчерпаемый потенциал и возможности. А.Л. Журавлёв в статье, посвященной памяти Брушлинского, приводит фрагмент его последнего выступления на V Всероссийской конференции психологического общества: “XX век был веком физики, с середины и к концу XX века наступил, конечно, век биологии. Мне кажется, что придёт время и настанет век самой главной и великой науки — психологии, потому что она раскрывает, изучает развитие человека...” Надо знать не любовь Андрея Владимировича к громким фразам, чтобы понять, что в этих словах нашла образное выражение широкая программа, осуществление которой он считал делом своей жизни [6, с. 341].

За этим оптимистическим прогнозом стояла твёрдая убеждённость в том, что так и будет. Такая уверенность подкреплялась основными принципами психологии субъекта, изложенными в его последней монографии, которая была опубликована, увы, посмертно...

Антигуманистическая действительность жестоко расплатилась с ним за этот несвоевременный оптимистический прогноз, внезапно прервав его поистине подвижническую линию жизни. Ведь «феномен подвижничества явно не вписывается в социокультурный контекст “постмодерна”» [10, с. 42].

Однако, вопреки всему этому, духовное наследие, оставленное Андреем Владимировичем, продолжает жить и развиваться. Показателем подлинной ценности любого произведения науки, искусства, культуры является его неоднократное возрождение в разных толкованиях и прочтениях. Многие концептуальные положения А.В. Брушлинского уже нашли своё применение, их продолжают теоретически и экспериментально развивать его ученики и последователи. Знаменательно, что идея субъекта прочно утвердилась в психологии. Об этом свидетельствуют многочисленные публикации на эту тему и ссылки на автора концепции.

В.В. Знаков, анализируя новый этап развития психологических исследований субъекта, приводит ряд аргументов в пользу того, что позволяет считать А.В. Брушлинского основателем психологии

субъекта: “Его заслуга не ограничивается тем, что он породил новые тексты по психологии субъекта (его критериям, структурным характеристикам и т.д.). Иначе говоря, в трудах А.В. Брушлинского психология субъекта описана как новая целостная область психологического познания (в работах других психологов представлены только её фрагменты). Кроме того, он создал нечто большее: возможности и правила рассуждений, указывающие на бесконечную вариативность дискурсов — допустимых направлений психологических исследований субъекта и правил образования научных текстов о нём... Именно дискурсивное поле является той системой координат, по отношению к которой определяется теоретическая и эмпирическая валидность новых направлений” [8, с. 13]. Среди этих направлений научного поиска — психология человеческого бытия (В.В. Знаков, З.И. Рябикина), системно-субъектный подход и проблема субъектогенеза (Е.А. Сергиенко), проблема коллективного субъекта (А.Л. Журавлёв), мировоззренческий смысл и научное значение категории субъекта (К.А. Абульханова-Славская), человек как субъект познания и общения (В.А. Барабанщиков, А.В. Карпов), субъект труда и профессиональной деятельности (Л.Г. Дикая), духовно-нравственные детерминанты личности как субъекта жизни (М.И. Воловикова), проблемы совладающего поведения (Т.Л. Крюкова), мышление как важнейший компонент бытия субъекта (В.В. Селиванов), формирование структуры индивидуального знания (И.О. Александров), посттравматический стресс и роль субъектных качеств в его преодолении (Н.В. Тарабрина, Н.Е. Харламенкова), системный субъектно-деятельностный подход к исследованию патологии психики (В.П. Критская, Т.К. Мелешко).

Вот далеко не полный перечень современных научных направлений, основанных на теоретических положениях психологии субъекта. Это свидетельство того, что многие концептуальные положения А.В. Брушлинского уже нашли своё применение, их продолжают теоретически и экспериментально развивать его ученики и последователи. Однако ещё больше в его наследии предстоит ещё прояснить, истолковать...

Подобно тому, как творческий путь, пройденный Андреем Владимировичем, постоянно подтверждал открытые им закономерности мышления, точно так же всем своим поведением в жизни и науке, всеми своими поступками он утверждал основные принципы психологии субъекта. Подчёркивая, как важно быть субъектом, он сам был его живым воплощением.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Брушлинский А.В.* Мышление и прогнозирование. М.: Мысль, 1979.
2. *Брушлинский А.В.* Психология мышления и кибернетика. М.: Мысль, 1970.
3. *Брушлинский А.В.* Психология субъекта, СПб.: Алетейя, 2003.
4. *Брушлинский А.В.* Психология субъекта. Программа учебного курса. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 1998.
5. *Валуева Е.А., Ушаков Д.В.* Сигнальная модель инсайта, от исторических предпосылок к эмпирическим предсказаниям // Современные исследования интеллекта и творчества. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”. 2015. С. 15–47.
6. *Журавлёв А.Л.* Предвестник века психологии. К 70-летию со дня рождения чл.-корр. РАН А. В. Брушлинского // Вестник Российской академии наук. 2003. Т. 73. № 4. С. 341–346.
7. *Знаков В.В.* А.В. Брушлинский: Верность традициям и эволюция научных взглядов // Творческое наследие А. В. Брушлинского и О. К. Тихомирова и современная психология мышления. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2003. С. 17–23.
8. *Знаков В.В.* Новый этап развития психологических исследований субъекта // Вопросы психологии. 2017. № 2. С. 3–16.
9. *Критская В.П., Мелешко Т.К.* Патопсихология шизофрении. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2015.
10. *Кудрявцев В.Т.* Aristos. Слово о Брушлинском // Психологический журнал. 2003. Т. 24. № 2. С. 41–48.
11. *Рубинштейн С.Л.* Человек и мир. М.: Наука. 1997
12. *Селиванов В.В.* Континуально-генетическая логика в исследовании теоретических методологических проблем психологии // Вопросы психологии. 2004. № 4. С. 138–140.
13. *Сергиенко Е.А.* Становление субъекта: неоконченная дискуссия // Психологический журнал. 2003. Т. 24. № 2. С. 114–120.
14. *Харламенкова Н.Е.* Активность субъекта, её границы в ретроспективе и перспективе жизни // Психология субъекта и психология человеческого бытия / Под редакцией В. В. Знакова, З. И. Рябикиной, Е. А. Сергиенко. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2010. С. 40–59.
15. *Харламенкова Н.Е.* Проблема развития субъекта в работах А. В. Брушлинского // Субъект, личность и психология человеческого бытия / Под редакцией В. В. Знакова, З. И. Рябикиной. М.: “Изд-во Институт психологии РАН”. 2005. С. 85–94.
16. *Холодная М.А.* Психология интеллекта. СПб: Питер, 2002.

ANDREY VLADIMIROVICH BRUHLINSKIY: THE LINE OF LIFE

T. K. Meleshko

*Phd. (psychology), senior researcher**Mental Health Research Center; 115522, Kashirskoe shosse, 34, Moscow, Russia.**E-mail: YenDuctorWork@gmail.com*

Received 07.09.2017

Abstract. The main milestones of the scientific biography of A. V. Brushlinsky are represented — his formation and development as a scientist and thinker, whose ideas are relevant for many areas of psychology and successfully developed by new generations of students and followers. The history of the formation of the continuum-genetic theory of Brushlinsky, reflecting the dialectic of the continuity of mental development, is described. The origin of the idea of continuity in the course of an experimental study of the regularities of the thought process is shown. The way of development of the theory, its constant complication and generalization is tracked at the decision of the basic, fundamental problems of psychology from a position of psychology of the subject.

Keywords: A. V. Brushlinsky, the life path of the scientist, biography, the continuum-genetic theory, scientific creativity, the thought process, the psychology of the subject.

REFERENCES

1. *Brushlinskii A.V.* Myshlenie i prognozirovanie. Moscow: Mysl'. 1979 (in Russian).
2. *Brushlinskii A.V.* Psihologija myshlenija i kibernetika. Moscow: Mysl'. 1970 (in Russian).
3. *Brushlinskii A.V.* Psihologija sub'ekta. St. Petersburg: Aleyteya, 2003 (in Russian).
4. *Brushlinskii A.V.* Psihologija sub'ekta. Programma uchebnogo kursa. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 1998 (in Russian).
5. *Valueva E.A., Ushakov D.V.* Signal'naja model' insajta, ot istoricheskikh predposylok k jempiricheskim predskazanijam. Sovremennye issledovanija intellekta i tvorchestva. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2015. P. 15–47 (in Russian).
6. *Zhuravlev A.L.* Predvestnik veka psihologii. K 70-letiju so dnja rozhdenija chl-korr. RAN A.V. Brushlinskogo // Vestnik Rossijskoj Akademii Nauk. 2003. V. 73. № 4. P. 341–346 (in Russian).
7. *Znakov V.V.* A.V. Brushlinskii: Vernost' tradicijam i jevoljucija nauchnyh vzgljadov. Tvorcheskoe nasledie A.V. Brushlinskogo i O.K. Tihomirova i sovremennaja psihologija myshlenija. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2003. P. 17–23 (in Russian).
8. *Znakov V.V.* Novyj jetap razvitija psihologicheskikh issledovanij sub'ekta // Voprosy psihologii. 2017. № 2. P. 3–16 (in Russian).
9. *Kritskaja V.P., Meleshko T.K.* Patopsihologija shizofrenii. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2015 (in Russian).
10. *Kudriavcev V.T.* Aristos. Slovo o Brushlinskom. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2003. V. 24. № 2. P. 41–48 (in Russian).
11. *Rubinshtejn S.L.* Chelovek i mir. Moscow: Nauka. 1997 (in Russian).
12. *Selivanov V.V.* Kontinual'no-geneticheskaja logika v issledovanii teoreticheskikh metodologicheskikh problem psihologii // Voprosy psihologii. 2004. № 4. P. 138–140 (in Russian).
13. *Sergienko E.A.* Stanovlenie sub'ekta: neokonchennaja diskussija Psikhologicheskij zhurnal. 2003. V. 24. № 2. P. 114–120 (in Russian).
14. *Harlamenkova N.E.* Aktivnost' sub'ekta, ejo granicy v retrospektive i perspektive zhizni // Psihologija sub'ekta i psihologija chelovecheskogo bytija / Ed. V.V. Znakova, Z.I. Rjabikinoj, E.A. Sergienko. Krasnodar 2010. P. 40–59 (in Russian).
15. *Harlamenkova N.E.* Problema razvitija sub'ekta v rabotah A.V. Brushlinskogo // Sub'ekt, lichnost' i psihologija chelovecheskogo bytija / Ed. V.V. Znakova, Z.I. Rjabikinoj. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2005. P. 85–94 (in Russian).
16. *Kholodnaya M.A.* Psihologija intellekta. St. Petersburg: Piter. 2002 (in Russian).